

Серія II. № 3.

Петроградъ,
1914 г.

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азии въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣздка въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

Série II. № 3.

Petrograd,
1914.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des ujgurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaikalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques de la vallée de l'Abakan, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Ačinsk, gouv-t de l'Enisej, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungus et les oročons de la Transbaikalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampikou sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

ИНСТИТУТА
ВѢДОМОСТЕЙ
Академии Наук
СССР

Отчетъ по поѣздкѣ къ турецкимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ
Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Май нагашева.

Имѣя порученіе отъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи продолжать начатыя мной изслѣдованія Минусинскихъ инородцевъ, въ нынѣшнее лѣто я посѣтилъ районъ, являющійся непосредственнымъ продолженіемъ на сѣверъ района обследованнаго въ прошломъ году. Предполагалось включить въ рамки изслѣдованія нижнюю долину рѣки Абакана, начиная отъ впаденія въ нее съ лѣвой стороны р. Камышты и до устья, лѣвые притоки Абакана, Камышту и Уйбать, и населенную инородцами часть лѣвобережной стороны Енисея. Вся эта площадь заселена главнымъ образомъ качинцами и отчасти лишь въ юго-западномъ углу сагайцами. Кромѣ того, по возможности предполагалось побывать у белтировъ, въ предѣлахъ прошлогодняго района и у кызыльцевъ, живущихъ къ сѣверо-западу отъ качинцевъ, за р. Бѣлымъ Юсомъ, въ предѣлахъ Ачинскаго уѣзда. Намѣченъ былъ такой большой районъ изслѣдованія съ тѣмъ, чтобы на него употребить не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, однако расчетъ этотъ не оправдался. Произошла задержка въ высылкѣ необходимыхъ вещей изъ Петрограда. Приступить къ изслѣдованіямъ пришлось почти на мѣсяцъ позднѣе. Время работы сократилось до 3-хъ мѣсяцевъ, съ половины іюля до 10-го сентября. За недостаткомъ времени не удалось побывать у белтировъ и у крайнихъ сѣверныхъ качинцевъ. За то на нѣсколько дней заѣхалъ къ кызыльцамъ, собралъ кое-какія коллекціи и сдѣлалъ значительное количество лингвистическихъ записей, которые могутъ дать представленіе о кызыльскомъ нарѣчій.

При изслѣдованіи обнаружилось, что качинское племя въ наиболѣе чистомъ видѣ сохраняетъ свой бытъ въ нижней долинѣ Абакана. Качинцы Камышты и Уйбата болѣе подверглись вліянію со стороны

сагайцевъ, а качинцы лѣвобережной стороны Енисея, или, какъ вѣрнѣе было бы ихъ назвать, юсинскіе качинцы подверглись вліянію со стороны кызыльцевъ. Это обстоятельство отчасти, а также и ограниченность времени обусловили то, что и въ предѣлахъ изслѣдованнаго района было больше удѣлено вниманія и времени долигѣ Абакана; соотвѣтственно менѣе освѣщенными остались другія мѣстности.

Изъ Ирессова улуса, моего постоянного мѣстопробыванія, я совершилъ двѣ поѣздки внизъ по Абакану, по лѣвой и правой сторонѣ. Последняя, третья крупная поѣздка была совершена черезъ Камышту и Уйбатъ къ юсинскимъ качинцамъ и кызыльцамъ.

Кромѣ того были предприняты мелкія поѣздки въ близлежащіе улусы, между прочимъ на р. Есь къ шаману Пыскѣ, запись камланія котораго производилась мною и въ прошломъ году.

Задача командировки состояла въ изслѣдованіи инородцевъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ лингвистическомъ отношеніи всѣ инородцы обслѣдованнаго района соотвѣтственно ихъ племенному расселенію распределены слѣдующимъ образомъ:

1) по рр. Сыры, по притоку р. Уйбата, Нинѣ, и на верхнемъ Уйбатѣ распространено сагайское нарѣчіе: это нарѣчіе было мною отмѣчено и въ отчетѣ прошлаго лѣта для населенія лѣвыхъ притоковъ средняго Абакана и отнесено къ средне-абаканской группѣ нарѣчій;

2) по Камыштѣ, нижнему Уйбату, нижней долигѣ р. Абакана и лѣвобережной сторонѣ Енисея вплоть до р. Б. Юса распространено качинское нарѣчіе; слѣдуя терминологіи, принятой въ отчетѣ за прошлое лѣто, слѣдовало бы это нарѣчіе назвать Нижне-Абаканскимъ, однако это не вполне соотвѣтствовало бы дѣйствительности, ибо районъ его распространенія далеко выходитъ за предѣлы нижней долины Абакана, съ другой стороны названіе «качинское» вполне точно, ибо всѣ говорящіе на этомъ нарѣчій, относятъ себя къ качинамъ. Наконецъ,

3) по лѣвую сторону р. Бѣлый Юсь распространено кызыльское нарѣчіе. Точнѣе опредѣлить районъ распространенія этого нарѣчія я не могу, такъ какъ цѣликомъ онъ не былъ мною охваченъ.

Самый способъ лингвистическихъ записей состоялъ въ томъ, что, исходя изъ родного мнѣ сагайскаго нарѣчія, я прежде всего отмѣчалъ тѣ встрѣчающіяся слова и фразы другихъ нарѣчій, которыя имѣютъ

какія-либо свои особенности. Такихъ словъ и фразъ накопилось значительное количество. Кроме того на каждомъ нарѣчій записывались цѣлые рассказы, что дѣлалось по возможности съ помощью фонографа. Такимъ образомъ на бумагу перенесено 7 рассказовъ, которые въ то же время имѣютъ и этнографическій интересъ. Часть такихъ записей осталась пока въ фонограммахъ, не зафиксированными на бумагѣ.

При предварительномъ сравнительномъ обзорѣ лингвистическаго матеріала выясняются слѣдующія особенности качинскаго и кызыльскаго нарѣчій по отношенію къ нарѣчію сагайскому.

У качинцевъ въ долинѣ Абакапа отчетливо слышится звукъ «к» (изъ группы заднебныхъ, глухой, взрывной), напримѣръ «кураган (ягпенокъ), пѣрѣк (ушель), комыс (названіе музык. INSTR.), караказы (сосна)» и др. Ни у сагайцевъ, ни у кызыльцевъ, также и у сѣверныхъ качинцевъ этого звука я не встрѣчалъ. Въ этихъ нарѣчіяхъ ему соотвѣтствуетъ звукъ «х»—глухой, проточный.

У сагайцевъ нѣтъ звука «ф», встрѣчается только «у» кратное, нормальное и долгое. Краткое «у» у качинцевъ звучитъ точно также, напримѣръ, слова «кѣ!» (зола), «кѣс» (сила) одинаково произносятся тѣми и другими; «у» нормальному у качинцевъ соотвѣтствуетъ «о», напримѣръ, сагайскія слова «ку!» (озеро), «тус» (подъемъ) по качински произносятся «кѣ!, тѣс»; наконецъ, «у» долгое у качинцевъ произносятся также, или ему соотвѣтствуетъ «ѣ» долгое, напримѣръ, слова «тур» (бубень), «пун» (сегодня) произносятся одинаково тѣми и другими, по сагайскія слова «куня» (прямо), «кѣмискя» (бровь) по качински произносятся «кѣня, кѣмискя».

Сагайскому «і» въ первомъ слогѣ словъ у Абаканскихъ качинцевъ часто соотвѣтствуетъ «я»; напримѣръ, слова «тір (шкура), тібѣргя (бить ногой)» произносятся «тѣр, тѣбѣргя», но слова «кі!» (приди), «чір» (земля), «чі!» (вѣтеръ) произносятся такъ же, какъ у сагайцевъ. По мѣрѣ движенія на сѣверъ, звукъ «я» въ этихъ случаяхъ повидимому появляется все чаще и чаще, наконецъ, у кызыльцевъ и приведенныя слова произносятся «кя!, чѣр, чя!».

Звукъ с у качинцевъ въ томъ случаѣ, когда попадаетъ между двумя гласными, часто переходитъ въ ч, напримѣръ, «кѣс» (сила), «кѣчѣ» (его сила), аҕас (дерево), аҕачы (его дерево), но въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ переходить въ з, напримѣръ пас (голова), пѣзы (его голова), сѣгъс (разумъ), сѣгъсы (его разумъ) и другія. У сагайцевъ всегда въ этихъ случаяхъ с переходитъ въ з.

Звуки с, ч, ш въ нарѣчіяхъ сагайцевъ, качинцевъ и кызыльцевъ являются наиболѣе непостоянными. Вообще не замѣчается, чтобы сагайскому ч у качинцевъ соотвѣтствовалъ с, но «апчах» (старикъ, саг.) по качински произносится «апсах». Это же слово у юсинскихъ качинцевъ произносится «апшах». Звука ш у абаканскихъ качинцевъ, вообще говоря, нѣтъ, лишь изрѣдка онъ слышится въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ, но у юсинскихъ качинцевъ онъ очень распространенъ. Сагайскимъ с, з часто соотвѣтствуетъ ш, ж. Однако на лѣвой сторонѣ Б. Юса у кызыльцевъ эти звуки снова исчезаютъ, имъ соотвѣтствуетъ ч, при чемъ звукъ этотъ произносится смягченно, напримѣръ, сагайскія слова: «хѣс (качинецъ), аҕас (дерево), үстї (верхъ) кызыльцами произносится «хѣч, аҕач үчті». Качинское (юсинскихъ) «шах андах» (точно такъ) у кызыльцевъ «чѣх андаҕ». Но наряду съ этимъ встрѣчаются и обратные примѣры: сагайское «чызарҕа» (стирать) у кызыльцевъ «сызарҕа», русское слово «чай» у нихъ «сај».

Затѣмъ сагайскій звукъ «ч» у качинцевъ иногда звучитъ близко къ j, скорѣе слышится звукъ средній между ч и j, напр., въ словахъ «чѣхсы (хорошій), чабал (плохой)» кызыльцы опредѣленно переходятъ на j и произносятъ «ҕѣхсы, јабал», но слово «чол» (дорога) произносятъ такъ же, какъ и сагайцы.

Интересно у качинцевъ измѣненіе звуковъ при слѣдующемъ, напр., сочетаніи словъ, «пятьдесятъ озеръ» по качински звучитъ «lїl'kõl», а при раздѣльномъ произношеніи «lїlїк (пятьдесятъ) kõl (озеро)», у сагайцевъ это же слово «lїlї'յl» при раздѣльномъ произношеніи «lїlї, кўl». У качинцевъ выпадаетъ конечный звукъ перваго слова, у сагайцевъ, наоборотъ, выпадаетъ первый звукъ втораго слова.

Сагайскимъ словамъ «мѣгѣ» (миѣ), «сѣгѣ» (тебѣ), пїҕгї (давешній) у качинцевъ соотвѣтствуютъ слова «мѣгѣ, сѣгѣ, пѣггѣ».

Сагайскому «сїләр (вы)» у качинцевъ соотвѣтствуетъ «сїрәр». У кызыльцевъ также «сїләр».

Въ концѣ словъ сагайскому звуку ģ у качинцевъ соотвѣтствуетъ звукъ х, напр., слова «таģ (гора), ăзыģ (зубъ)» произносятся «тах, ăзых»; конечному звуку х соотвѣтствуетъ «к», напр., слова «ăзыģх,

(запасъ), хонѣхъ (имущество, состояніе)» по качински произносятся «āzŭk, kōnŭk». Кызыльское нарѣчіе въ этомъ отношеніи не отличается отъ сагайскаго. Затѣмъ, при измѣненіи этихъ словъ такъ, чтобы послѣдній согласный звукъ попалъ между гласными, у сагайцевъ въ словахъ съ конечнымъ звукомъ ģ происходитъ стяженіе гласныхъ, напр., «тā» (его гора), «āzĭ» (его зубъ), но въ словахъ съ конечнымъ звукомъ х стяженія не бываетъ, напр., «āzŭzŭy (его запасъ), хōnŭzŭy (его состояніе). У качинцевъ во всѣхъ случаяхъ происходитъ стяженіе гласныхъ: напр. «āzĭ» (его запасъ) «kōnĭ» (его состояніе).

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ существительныхъ, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени и въ желательной формѣ множественнаго числа глаголовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по сагайски гласная приставки лар бываетъ короткая, у качинцевъ она слышится какъ бы удлиненной, напр., по сагайски «ацнār (звѣри), чірлār (страны)» по качински «ацнār, чірлār», сагайское «пārĭlār (идутъ)» по качински «парĭлār» и сагайское «парālār» (пойдемте) по качински «парālār». Знакъ удлиненія я ставлю здѣсь условно, ибо еще мною не выяснено, есть ли это дѣйствительно удлиненіе, или только переносъ ударенія на послѣдній слогъ.

Единственное число желательной формы у сагайцевъ и у качинцевъ, напр., отъ слова «пар» (иди) будетъ «парац» (пойдемъ), но у качинцевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ «паран»; у кызыльцевъ та же форма имѣетъ «парах» (пойдемъ), «хагах» (ударимъ), напр., «пу хажаны ālŭn азахнāц хагах (ударимъ эту скалу передними ногами). Однако множественное число той же формы у сагайцевъ и кызыльцевъ будетъ «парālār» (пойдемте), какъ и у качинцевъ «парālār».

Глаголь «чадарца» (лежать) въ роли вспомогательнаго глагола въ качинскомъ нарѣчій имѣетъ форму «чāдыр», иногда только чā, чĕ, въ шорскомъ нарѣчій, какъ мною отмѣчалось уже прежде¹⁾, имѣетъ «чар», въ сагайскомъ нарѣчій всегда «чĕ».

Форма именъ существительныхъ, соотвѣтствующая русскому творительному падежу, у качинцевъ образуется черезъ прибавленіе къ корню частицъ «бынац, бĭнāц, пынац, пĭнāц» напр. «малбынац (со

1) См. Отчетъ о поѣздкѣ 1913 г.

скотомъ), малтыбынаң (топоромъ), сүтпівяң (съ молокомъ)», у шорцевъ соотвѣтствующія частицы «была, білә, пыла, пілә», у сагайцевъ «наң, нәң». Сагайской формѣ 3-го лица прошедшаго времени глаголовъ, напр., «күрді» (посмотрѣлъ), «сатты» (продалъ) у качинцевъ соотвѣтствуютъ «көрдік, сатчык».

Во всѣхъ случаяхъ окончаніямъ родительнаго и винительнаго падежей сагайскаго нарѣчія «дѣң, ды» у качинцевъ соотвѣтствуютъ «нѣң, ны», напр., формамъ «малдѣң, малды» (саг.) соотвѣтствуютъ «малның, малны» (кач.)¹⁾.

Въ качинскомъ нарѣчіи дѣепричастіе имѣетъ окончаніе «абас, әбас, ібас», напр., «алабас» (взявши), «чөрәбас» (отправившись), «сөлібас» (сказавши), въ сагайскомъ нарѣчіи соотвѣтствующія формы «әлѣп, чүрп, сүләп». Однако это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда дѣепричастіе въ придаточныхъ предложеніяхъ образуется отъ простаго глагола, напр., «ол курәҗәнны алабас ібізівә аҗланҗан» (взявши того ягненка, онъ вернулся домой), но когда дѣепричастіе служитъ для образованія сложнаго глагола, оно имѣетъ тѣ же формы, что и въ сагайскомъ нарѣчіи, напр., «күскә оҗлап-парі» (мышь бѣжитъ).

Въ кызыльскомъ нарѣчіи помимо вышеуказанныхъ замѣчаются еще слѣдующія особенности.

Повелительная форма множественнаго числа 2-го лица имѣетъ, напр., отъ словъ «бдыр» (садись), «ірт» (проходи)— «одырыс, іртис» (проходите, садитесь). Въ сагайскомъ нарѣчіи тѣ же формы будутъ «бдырңар, іртңар».

Глаголы въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени у кызыльцевъ имѣютъ форму, напр., отъ «пар (иди), кіл (прийди), парәдѣ, кіләддѣ», у сагайцевъ тѣ же формы будутъ «пәрї, кілї», у качинцевъ «парїр, кілїр». Отсюда и производныя формы причастія у кызыльцевъ «парәдѣҗән, кіләддѣҗән» у сагайцевъ «пәрїҗән, кілїҗән».

У кызыльцевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтственно съ другими нарѣчіями замѣчается выпаденіе согласныхъ звуковъ, напр., «кі'җән» (пришедшій), вмѣсто сагайскаго «кілҗән, ту'җан» (вставшій), вмѣсто сагайскаго «турҗан, мәп хөмыс хаҗады'ым» (я на хомыс'ѣ

1) См. Отчетъ о поѣздкѣ 1913 года, объ особенностяхъ въ этомъ отношеніи белтурскаго нарѣчія.

играю), вмѣсто сагайскаго «*mīn xōmīs xaḡadyrym, pīr sa'ḡy*» (одна сторона), вмѣсто сагайскаго «*pīr sarxhī*» и качинскаго «*pīr sārī*».

Таковы результаты моихъ наблюденій въ лингвистическомъ отношеніи.

Въ отношеніи выполненія этнографической программы изслѣдованія въ нынѣшнее лѣто, какъ и было предположено, было удѣлено главное вниманіе религіи качинцевъ. Официально качинцы, какъ и сагайцы, считаются православными, всѣ крещены, но по существу, нужно сказать, православіе проникло къ нимъ значительно больше, чѣмъ къ сагайцамъ. Однако живы еще и бывлыя шаманскія воззрѣнія, только они болѣе сбивчивы, чѣмъ у сагайцевъ. Шамановъ у нихъ очень мало и къ тѣмъ, какіе есть, они относятся съ меньшимъ уваженіемъ. Повидимому, дѣло подвигается къ полному ихъ исчезновенію. Рядовой качинецъ мало интересуется существованіемъ духовъ и въ большинствѣ случаевъ ихъ не знаетъ, тогда какъ почти каждый взрослый сагаецъ знаетъ главныхъ духовъ и знаетъ даже какими словами ихъ призывать.

Еще держится шаманство у абаканскихъ качинцевъ, у сѣверныхъ качинцевъ оно еще слабѣе, тамъ повидимому оно принимаетъ тѣ же формы вырожденія, какія мною отмѣчались для крайнихъ южныхъ матурскихъ инородцевъ. Шамановъ въ полномъ смыслѣ, имѣющихъ костюмъ, бубень, могущихъ совершать полную церемонію жертвы, нѣтъ, знаютъ только краткія формулы заклинанія духа и этимъ только оказываютъ слабую помощь болѣющимъ.

Въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ качинцы имѣютъ много общаго съ сагайцами. Есть общіе духи, хотя, правда, у качинцевъ они нѣсколько измѣняютъ свой обликъ. Основы воззрѣній шамановъ одни и тѣ же. Тѣ и другіе почитаютъ духовъ горъ, которымъ приносятъ умиловительныя жертвы. Почитаютъ также общаго духа—покровителя дѣтей; послѣдняго, кстати сказать, какъ мнѣ передавали, занесли къ качинцамъ сагайскіе шаманы.

Но на ряду съ общими элементами въ воззрѣніяхъ этихъ племенъ имѣются и коренныя различія. Воззрѣнія сагайцевъ болѣе стройны. Духи ихъ представляютъ уже организованную іерархію съ духами-ханами во главѣ. У качинцевъ, помимо этой категоріи духовъ, сохранились духи разрозненные между собой, ненаходящіеся ни въ какихъ

отношеніях соподчиненія. Изображенія ихъ стоятъ на правой, женской сторонѣ юрты и сами они болѣе относятся къ компетенціи, женщинъ, главнымъ образомъ старухъ. Наиболѣе популярный среди качинцевъ «Бѣлый духъ» есть также существо одинокое и самостоятельное.

Независимо отъ другихъ духовъ послѣдній избираетъ посредника между собой и людьми своего шамана. «Бѣлый духъ» живетъ собственно у сѣк'а «Бүрүт», но оттуда вмѣстѣ съ выходящими замужъ женщинами переходитъ въ другіе сѣк'и. Такъ онъ переселяется иногда и къ сагайцамъ.

Качинцы, какъ и сагайцы, знаютъ духа рѣки, но послѣдніе не устраиваютъ ему общественныхъ жертвоприношеній, у качинцевъ же такія жертвоприношенія обставляются весьма торжественно. Въ наблюденномъ мною случаѣ жертвоприношенія р. Абакану, въ рѣкѣ былъ потопленъ молодой бычекъ, увѣшанный лентами цвѣтныхъ матерій. Такое жертвоприношеніе устраивается разъ въ три года. Особеннаго вниманія заслуживаетъ разрядъ качинскихъ жертвоприношеній, носящихъ названіе «Тігѣр тѣжі», что значитъ «жертвоприношеніе Небу». Подобное жертвоприношеніе мнѣ пришлось въ прошлое лѣто наблюдать на р. Теѣ у белтировъ, но настоящія основы его, повидимому, можно выяснитъ лишь у качинцевъ¹⁾. Шаманы на этихъ жертвоприношеніяхъ не участвуютъ, и по своему смыслу «Тігѣр тѣжі» мало согласуется съ обычными шаманистическими представленіями. Здѣсь моленія приносятся живущимъ на небѣ «девяти творцамъ» и главному изъ нихъ «Тѣлы Чајән», которые не имѣютъ ничего общаго съ шаманскими духами. Возносятся моленія «о хлѣбѣ, посѣянномъ русскими, о произрастаніи травы на черной землѣ для пасомаго скота, о здоровьѣ молодого поколѣнія». Такія моленія не приходится слышать изъ устъ шамана.

Жертва совершается на какой-нибудь вершинѣ и туда, какъ люди, такъ и животныя женскаго пола не допускаются; этого на шаманскихъ жертвоприношеніяхъ также не бываетъ.

Важно, что само населеніе рѣзко выдѣляетъ «Тігѣр тѣжі» изъ ряда шаманскихъ жертвоприношеній. На наблюденномъ мною «Тігѣр

1) Въ это лѣто «Тігѣр тѣжі» я наблюдалъ у уйбарскихъ качинцевъ на одной изъ вершинъ горы «Тоғмѣс».

тѣі) качинець, который за всѣхъ присутствующихъ возносилъ молитвы, говорилъ, что онъ шамановъ не уважаетъ, а это они молятся «Худаю» (Богу) и ему приносятъ жертву. Даже обычный шаманскій жертвенный возгласъ «сѣк», здѣсь не употребляется, а всѣ присутствующие, обратившись къ «восходу солнца» и воздѣвая руки къ небу, кричатъ «тѣр».

Правда, въ обрядъ жертвоприношенія вводится отдѣлъ, гдѣ призываются духи горъ, рѣкъ, долинъ и т. д., но инородцы сами говорятъ, что тогда они обращаются къ шаманскимъ духамъ. Въ этомъ отдѣлѣ переходятъ на возгласъ «сѣк». Все это наводитъ на мысль, что въ «Тігір тѣі)» мы находимъ смѣшеніе двухъ религіозныхъ системъ.

Въ героическихъ поэмахъ и даже въ шаманскихъ призываніяхъ также встрѣчаются часто «девять творцовъ». Есть сказанія о томъ, какъ творцы, или одинъ творецъ создавали землю, человѣка и др. Творцы эти представляются существами добрыми, которымъ противопоставляется существо злое «Шхан» или «Эрлік Хан».

Въ представленіи о загробной жизни мы опять встрѣчаемся съ двумя отличными категоріями представленій.

Съ одной стороны загробная жизнь—лишь простое продолженіе земной жизни. Обряды погребенія и поминокъ всецѣло проникнуты этимъ представленіемъ. Душа умершаго человѣка переходитъ въ другой міръ, даже забирая съ собой принадлежавшія ему на землѣ предметы. Наряду съ этимъ въ народѣ существуютъ сказанія, въ которыхъ рѣзко проглядываетъ представленіе о загробной о жизни, какъ возмездіи за прожитую здѣсь жизнь. Оставаясь въ рамкахъ собраннаго мною матеріала, тѣмъ болѣе лишь въ предварительномъ отчетѣ, я не берусь утверждать, что это представленіе о загробной жизни, равно какъ обрядъ «Тігір тѣі)»—проявленія одного и того же стройнаго міропониманія, но, повидимому, нѣкоторая двойственность въ религіозномъ сознаніи качинцевъ несомнѣнна.

Кызыльцы въ отношеніи религіи не были мною изслѣдованы, но мнѣ передавали, что они устраиваютъ тѣ же жертвоприношенія, что и качинцы, а кромѣ того еще особое «жертвоприношеніе землѣ». Наблюдать такое жертвоприношеніе мнѣ не пришлось. Шаманство у нихъ тоже, повидимому, приходитъ въ упадокъ, но тѣмъ не менѣе изображеній духовъ, стоящихъ внутри юрты, я у нихъ видѣлъ много.

За истекшее лѣто я былъ на шести разныхъ жертвоприношеніяхъ, гдѣ производилъ записи и фотографированіе. Кромѣ того былъ на поминкахъ, которые, какъ и у сагайцевъ, состоятъ въ кормленіи покойника, но въ деталяхъ обряда имѣютъ свои особенности. Здѣсь также были произведены записи и фотографированіе.

Помимо этого собраннй матеріалъ состоитъ изъ ряда сказаній и разсказовъ религіознаго характера (30) и призываній духовъ (17). Въ числѣ послѣднихъ есть крупныя вещи (7), представляющія собой цѣлыя отдѣлы камлааній или цѣлое камлааніе. Призыванія и нѣкоторые разсказы записывались при помощи фонографа. Валики, интересныя въ лингвистическомъ отношеніи или въ отношеніи мотивовъ, призываній сохранены.

Собрашы также наблюденія о семейномъ бытѣ качищевъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ интересъ формы заключенія брака. Въ настоящее время браки заключаются посредствомъ увода невѣсты съ ея согласія, иногда и безъ согласія. Родителямъ ея остается признать лишь совершившійся фактъ, при чемъ съ ними заключается миръ съ уплатою калыма. Однако, какъ разсказываютъ, это лишь новѣйшая форма брака. Встарину браки заключались съ предварительнаго уговора родителей той и другой стороны. Сватаніе начиналось иногда съ малолѣтства брачующихся вплоть до момента брака черезъ опредѣленные періоды времени (весной, осенью и т. д.). Семья жениха доставляла семьѣ невѣсты угощеніе и подарки. За то калыма тогда не было, тѣмъ не менѣе соответствующее приданое для невѣсты было обязательно. Какъ единичный случай, такой бракъ нынче состоялся въ улусѣ Біці бāзы (Вершина Бижи).

Интересны современныя формы заключенія брака, въ которыхъ стараются фиктивно воспроизвести актъ увода невѣсты по соглашенію родителей. Обычно ко дню свадьбы заблаговременно невѣста отправляется къ одному изъ сосѣдей. На свадьбѣ послѣдній играетъ роль отца невѣсты, его жена — роль матеря невѣсты. Къ нимъ пріѣзжаетъ свадебный кортежъ. Женщины бываютъ наряжены въ свадебные костюмы. Начинается сватаніе какъ бы на самомъ дѣлѣ. Отецъ и мать съ сожалѣніями и благопожеланіями отдаютъ свою фиктивную дочь. Она торжественно увозится въ юрту жениха, гдѣ протекаетъ дальнѣйшая часть свадьбы. Свадьбу этого типа мнѣ

удалось лично наблюдать. Также наблюдалъ свадьбу у сагайцевъ. У послѣднихъ свадебные обряды носятъ иной характеръ, чѣмъ у качинцевъ. На свадьбѣ у тѣхъ и другихъ произведены были записи обрядовъ и по возможности фотографированіе. Кстати сказать, фотографированіе здѣсь представляетъ значительныя трудности, потому что большинство обрядовъ протекаетъ въ тѣсной и темной юртѣ, да еще набивается туда масса гостей и любопытныхъ.

Въ отношеніи различій по сѣк'амъ качинцы представляютъ менѣе богатый матеріалъ, чѣмъ сагайцы.

Мною записано всего 15 названій сѣк'овъ. И у нихъ менѣе сохранились различныя родовыя и племенные сказанія. Представители почти всѣхъ сѣк'овъ повторяютъ одно и то же, что предки ихъ вышли съ рѣки Качи. Значительно распространены среди качинцевъ сѣкъ «Кырбызъ», но и о нихъ не помнятъ никакихъ сказаній, сами же себя они не отличаютъ отъ качинцевъ. Мною записаны, впрочемъ, стихи, которые, повидимому, свидѣтельствуютъ о томъ, что когда то киргизское племя здѣсь было сильно распространено.

«Кырыхъ чахсы оѣымда
Кырбызъ сѣгі чатпән
Ој парбын?
Кырда ѳскән кырыхъ хазында
Кырбызъ палтызы тацмән
Казың парбыні?»

Въ сорока славныхъ котловинахъ,
Есть ли котловина,
Гдѣ бы не лежали кости киргиза?
Въ сорока березахъ растущихъ на хребтѣ,
Есть ли берега,
Которой бы не коснулся топоръ киргиза?

Относительно сѣк'а «Соки» записано, что происходитъ онъ изъ страны «Мѳл» (монгол). У кзыльцевъ за короткое время моего пребыванія у нихъ записано девять названій сѣк'овъ и отрывочныя сказанія объ ихъ происхожденіи.

Въ остальной части письменный матеріалъ состоитъ изъ пѣсенъ, которыхъ собрано около 50, при чемъ въ фонограммахъ сохранены

и мотивы нѣкоторыхъ пѣсень, затѣмъ собрано значительное количество мелкихъ записей, иногда въ формѣ афоризмовъ, въ которыхъ выражаются воспитательные приемы народа, суевѣрные взгляды и др.

Фонографическихъ валиковъ съ записями лингвистическими, пѣсень и шаманскихъ пѣснопѣній привезено всего 50, фотографическихъ снимковъ мѣстныхъ типовъ и другихъ объектовъ разнообразнаго этнографическаго содержанія привезено 251.

Въ поѣздку мной были взяты приборы для производства антропометрическихъ измѣреній. Такихъ измѣреній я успѣлъ сдѣлать немного; началась война, и къ инородцамъ проникли слухи, что ихъ будутъ брать въ солдаты. Ко мнѣ стали являться уже измѣренные съ опасеніями, не возьмутъ ли ихъ теперь въ солдаты. Мнѣ пришлось ихъ разубѣждать, а измѣреній ввиду такихъ обстоятельствъ я рѣшилъ болѣе не производить.

Приобрѣтенныя мной для музея вещи состоятъ изъ полного шаманскаго облаченія съ бубномъ и колотушкой, нѣсколькихъ изображеній духовъ, принадлежностей женскаго сѣдла, костюмовъ современныхъ и старинныхъ и др. мелкихъ вещей.

Къ одной изъ неудачъ поѣздки нужно отнести то, что были потеряны объективъ и затворъ отъ фотографическаго аппарата. Къ счастью, это случилось въ самомъ концѣ лѣта, когда всѣ работы съ фотографическимъ аппаратомъ были закончены.

При командированіи меня отъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи мнѣ было выдано на расходы 400 рублей. Изъ нихъ на приобретеніе коллекцій употреблено 41 руб. 60 коп., на проѣздъ туда и обратно — 95 руб. 38 коп., на разъѣзды на мѣстѣ, вознагражденіе лицъ, сообщавшихъ матеріалъ и оказывавшихъ иныя услуги, и пр. мелкіе расходы — 162 руб. 90 коп., на содержаніе мое и моихъ спутниковъ — 100 руб., итого 399 руб. 88 коп.

Отъ Музея Антропологии и Этнографіи, имени Императора Петра Великаго, было выдано 100 рублей, они всѣ употреблены на приобретение коллекцій.
